
9(с285)
А-16
По волынским
захолустьям.
Абрамов И

По волынскимъ захолустьямъ.

(Эскизы изъ дорожнаго альбома).

I.

На развалинахъ Коростеня.

Начинало смеркаться, когда мы вступили въ березовую аллею, ведущую въ мѣстечко Искорость, расположившееся на полпути изъ Житоміра въ Овручъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находился нѣкогда Коростень, столица древлянская, сожженная княгиней Ольгой.

Широкая аллея привела насъ прямо въ мѣстечко, раскинувшееся на берегу живописной рѣчки Уши. Скоротавъ ночь подъ гостепріимнымъ кровомъ народной школы, на другой день мы съ товарищемъ принялись немедленно знакомиться съ достопримѣчательностями Искорости. Памятниковъ глубокой старины здѣсь чрезвычайно много; то и дѣло встрѣтишь или древнее городище, или курганъ, или развалины, къ которымъ пріурочена какая-нибудь красивая и наивная народная легенда.

Мы, первымъ дѣломъ, остановили свое вниманіе на знаменитыхъ „Ольгиныхъ купальняхъ" или „Ольгиныхъ баняхъ".

Рѣка Ушь, на которой, какъ я уже сказалъ, стоитъ Искорость, пробивъ себѣ путь въ гранитныхъ скалахъ, отрогахъ Карпатскихъ горъ, образуетъ въ своемъ каменномъ ложѣ три котлообразныя углубленія, совершенно круглыя и довольно глубокія. Это и есть „Ольгины купальни", славящіяся среди крестьянъ своими цѣлебными свойствами.

Надъ котловинами каменное ложе приподнялось уступами и вода, ниспадая съ уступовъ шумнымъ водопадомъ, весело пѣнится и крутится въ каменныхъ ямахъ. Вдоль по теченію, ниже Ольгиныхъ купаленъ, вниманіе наблюдателя приковываютъ къ себѣ высокіе отвѣсные и мрачные берега Уши. Здѣсь гигантскіе камни, громоздясь другъ на друга, образуютъ пещеру —

„Ольгинъ гротъ“. Глубокая, таинственная и вмѣстѣ торжественная тишина вѣчно царитъ въ этомъ изломѣ рѣки. Каменные берега въ нѣсколько саженей высотой охраняютъ теченіе; самый сильный вѣтеръ не проникнетъ сюда и никогда не замутитъ рябью спокойную поверхность воды, которая представляется въ этомъ мѣстѣ черной, какъ чернила.

Это мѣсто называютъ въ народѣ „святье“. Старинное народное преданіе гласитъ, что здѣсь на одномъ изъ уступовъ высокой скалы была выстроена княгиней Ольгой христіанская церковь во имя св. Елены, первая церковь въ древлянской землѣ. Но, разсказываемъ преданіе, однажды въ „великдень“, т. е. на Свѣтлое Христово Воскресеніе, случилось великое чудо,—христіанскій храмъ, вмѣстѣ со священникомъ и молящимися, вмѣстѣ съ иконами и хоругвами, провалился сквозь землю. Такое попущеніе Божеское случилось по винѣ самой матушки-попадьи, которая, будучи обуреваема жадностью, несмотря на праздникъ „великдень“, вздумала было шить мѣшки для обильныхъ пасхальныхъ приношеній, которыя по обычаю ожидались отъ православныхъ христіанъ.

Съ тѣхъ поръ, разсказываетъ наивная народная легенда, если приложить ухо къ каменной скалѣ, то можно услышать по большимъ праздникамъ колокольный перезвонъ.

Противъ „Святья“, на противоположномъ (лѣвомъ) берегу рѣки, видны безпорядочно разбросанныя округленныя глыбы гранита. Ихъ называютъ вь народѣ „чортовы плечи“. Объ этихъ окаменѣлыхъ чортовыхъ плечахъ пастухъ—проводникъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

— Изъ давныхъ-давенъ это было. Захотѣли, значится, черти затопить весь свѣтъ. Вотъ они и думаютъ себѣ: давай-ка мы загородимъ камнями русло рѣки, разольется тогда Ушь и затопитъ весь міръ. И стали черти ждать-поджидать, когда придетъ удобное время. Вотъ и пришла темная осенняя ночь. Собрались тогда черти всѣ вмѣстѣ и что было силы-мочи уперлись плечами въ скалу. Они, стало-быть, желали опрокинуть скалу поперекъ рѣчки. Но не успѣли они окончить злого дѣла; увидѣлъ все это Господь и приказалъ пѣтуху раньше положеннаго времени крикнуть свое ку-ку-реку. Только хлопнулъ пѣтухъ крыльямъ и крикнулъ ку-ку-реку, — стали испуганные черти зарываться въ „багно“, но не успѣли они зарыться и вмигъ окаменѣли. Съ тѣхъ вотъ поръ и виднѣются каменныя плечи окаменѣлыхъ чертей...

Идя дальше по теченію красавицы Уши, мы встрѣтились съ

самой наиглавнѣйшей достопримѣчательностью Искорости,—съ грандіознымъ древнимъ городищемъ, поражающимъ своими необыкновенными размѣрами и чудно сохранившимися гигантскими валами. Эти валы и глубокіе рвы окружаютъ городище съ 3-хъ сторонъ, съ 4-й — его прикрывала рѣка Ушь, въ настоящее время значительно отступившая отъ своего прежняго русла. Много воды утекло въ рѣкѣ Ушѣ съ тѣхъ поръ, какъ устроилось это могучее укрѣпленіе. Возлѣ главнаго городища расположились еще три укрѣпленія, значительно меньшихъ размѣровъ. Одно стоитъ на противоположномъ берегу Уши, другое въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ, третье въ помѣщичьей усадьбѣ. Главное городище занимаетъ довольно большое пространство, что то около 9 десятинъ, но эта земля никому не принадлежитъ,—ею пользуется тотъ, кто успѣетъ захватить ее пораньше съ весны. При вспашкѣ, на городищѣ то и дѣло попадается битая посуда, шиферныя пряслицы, старинное металлическое оружіе, ржавое желѣзо; встрѣчаются также мѣдныя складни, кресты-тѣльники и т. п. Особенно много находится шиферныхъ пряслицъ; намъ приносили ихъ цѣлыя сотни, нанизанныя на подобіе сушеныхъ грибовъ на длинную бичеву.

Валъ остается нераспаханнымъ. Онъ заросъ бурьяномъ и кустарникомъ. Чудный видъ на рѣку и луга открывается съ этого вала. Сверкающей лентой извивается голубая рѣка, среди мягкихъ зеленыхъ луговыхъ береговъ, справа подѣленное на правильные четыреугольники озимое поле, слѣва—широкій луговой коверъ, усѣянный пестрыми цвѣтами. Тихо, вездѣ безлюдно. Кое-гдѣ на берегу замѣтны движущіяся темныя точки,—это рыболовы тянутъ свой „волокъ". Все залито волнами золотого свѣта, только изрѣдка быстро скользнетъ по лугу легкая тѣнь отъ набѣжавшаго на солнце бѣлаго, какъ вата, облачка.

За лугами видно урочище „Малины", усѣянное курганами, а еще дальше—темныя пятна деревень, съ чернымя соломенными стрѣхами, съ зелеными маковками бѣлыхъ церквей.

Странныя ощущенія вызываетъ это мертвое поле, со своими большими и малыми курганами. Что за витязь лежитъ вонъ подъ этимъ самымъ большимъ бугромъ земли?

Какіе свершилъ онъ набѣги,
Какіе онъ жегъ города?

Мнѣ пришлось присутствовать при раскопкахъ этихъ нѣмыхъ памятниковъ былого. Раскопки свидѣтельствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ типомъ обыкновеннаго древлянскаго погребе-

нія. Покойниковъ хоронили въ деревянныхъ гробахъ, гробы ставили прямо на грунтъ, а сверху насыпали курганъ.

Осмотрѣвъ курганы, мы перебрались на противоположный берегъ рѣчки Уши и заглянули въ помѣщичью усадьбу. Здѣсь наше вниманіе невольно обратилось на 2 большихъ шиферныхъ креста, стоящихъ въ помѣщичьемъ саду. Надписей на нихъ мы не нашли, но своей формой, они очень напоминаютъ кресты—тѣльники великокняжеской эпохи.

Въ самомъ мѣстечкѣ насъ заинтересовала очень оригинальная постройка, сравнительно недавняго происхожденія. Надъ заколоченной наглухо дверью прибита доска, на подобіе вывѣски, съ надписъю:

„Домъ Стефана Любовидзкаго, генералъ-лейтенанта Россійскихъ Войскъ. Умеръ 12 апрѣля 1807 г.“

Домъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ изъ краснаго шифера; фасадъ украшенъ деревянными колонками.

Само по себѣ мѣстечко Искорость имѣетъ обычный видъ бѣдныхъ мѣстечекъ юго-западнаго края; правда, въ немъ нѣтъ традиціонныхъ зловонныхъ лужъ, въ которыхъ обывательскія свиньи такъ любятъ наслаждаться лѣнивымъ кейфомъ. Широкій шляхъ на Овручъ, обсаженный вербами и березами, даетъ характеръ приволья и просторъ всему мѣстечку. Черезъ Искорость недавно проведена новая желѣзная дорога изъ Кіева на Ковель. Съ облегченіемъ путей сообщенія, мы увѣрены, не замедлятъ обратить на себя всеобще вниманіе замѣчательные памятники старины бывшей древлянской столицы, отличающейся къ тому же удивительно живописнымъ мѣстоположеніемъ.

II.

Игорева могила.

Я снова побрелъ дальше по полѣсскимъ шляхамъ и проселкамъ, по лѣсамъ, пескамъ и шаткимъ непрочнымъ настилкамъ черезъ топкія болотныя трясины.

Я минулъ села Немировку и Воронево и набрелъ на огромный разрытый курганъ, окопанный валомъ, который имѣлъ форму четыреугольника, длиной около 60 шаговъ. Присѣлъ отдохнуть на могилѣ.

Ко мнѣ подошелъ старикъ пастухъ, досматривавшій стадо коровъ. Пастухъ былъ очень старъ, лѣтъ 70, если не больше

босой, съ щетинистой бородой и длинными усами. Одѣтъ онъ былъ, несмотря на жаркую погоду, въ черную свиту изъ толстаго домашняго сукна.

— Не знаете-ли, что это за могила? спросилъ я у него.

— Это Ригорева могила, хлопче, богатыря Ригоря.

Пастухъ полагалъ, что передо мною была знаменитая Игорева могила, гдѣ по преданію былъ погребенъ сынъ Рюрика, убитый древлянами во время сбора дани въ 945 г.

— Какая огромная могила! вырвалось у меня.

— Э, хлопче,—отозвался старикъ,—она была огромная, а теперь она совсѣмъ небольшая, потому, — разорили ее паны. Вотъ оно что. Такая была высокая могила, что какъ былъ я маленькимъ хлопчикомъ, то съ превеликимъ трудомъ на нее я сбирался. Лѣзешь, бывало, лѣзешь *рачки* [1]) ажъ утомишься, пока до вершины доберешься. А какъ глянешь оттуда съ верхушки, такъ ажъ страшно тебѣ сдѣлается. И все тебѣ видать оттеда, безъ конца, безъ краю видать, молявъ, все равно, что на долони.. Геть-геть видно, якъ мріе впереди, якъ хресты на церквахъ миттять. Эге-жъ. И страшно, страшно бывало мнѣ сдѣлается, ей-же Богу. Отъ я назадъ, назадъ, такъ и скочусь помаленьку...

— Кто же это ее разорилъ?

— Паны розруйновали, хлопче, паны... Э... давно это дѣло было, еще до воли это дѣло было, да и воля еще тогда не хутко [2]) пришла. Я стари-помню.

— Разскажите же, какъ это случилось.

— А такъ случилось. Понаѣзжали якись паны, кто? Откуда? Хиба-жъ мы знаемъ—откуда? Ну добре. Понаѣзжали паны... Нагнали народушка Божого—сила! Отовсюду сгоняли народъ. Были тутъ и изъ нашего Воронева, и изъ Сингаевъ, изъ Беховъ, изъ Бардъ, изъ Татарновичей, изъ Васьковичей, изъ Немирова... да откентелева ихъ тутъ только и не было... Ну хорошо. И приказали паны народу Ригореву могилу заступами копать, а землю, стало быть, кругомъ валомъ ссыпать. Стали заступами землю копать, стали землю въ корзинахъ таскать, да на тачкахъ вывозить... Вотъ и работалъ такъ народушко, долго работалъ, доколѣ какъ кроты, всю могилу, какъ есть, развернули. Такъ вотъ съ тѣхъ поръ и не стало у насъ той дивовижи.

---

[1]) на четвереньках.

[2]) не скоро.

— Что же нашли въ могилѣ?

— А ничего путного, хлопче, не знайшли. Кости знайшли, черепъ... кой-какое желизячче ржавое... А впрочемъ, поговариваютъ, что денегъ тоже знайшли великую силу, заграбастали паны скарбъ огромаднѣйшій...

Преданіе о томъ, что въ могилѣ Игоря схоронены огромныя сокровища („скарбъ“), заставляетъ крестьянъ рыться въ этомъ мѣстѣ еще и по настоящее время.

Я попробовалъ было поразспросить старичка о личности богатыря „Ригоря“, но оказалось, что онъ имѣетъ о немъ самыя странныя понятія; его фантастическій разсказъ о „Ригорѣ“ перепутывался съ легендой о какой-то царицѣ „изъ грады Искры“, которую будто бы „дуже уподобавъ богатырь Ригоръ“ и т. п.

— Съ давныхъ давенъ се діялось! — прибавилъ старикъ, какъ бы въ оправданіе сбивчивости и фантастичности своего разсказа.

Въ это время вдали показалась маленькая дѣвочка въ красномъ платкѣ, несшая старику обѣдъ. Онъ поспѣшилъ ей навстрѣчу; а я побрелъ своей дорогой, черезъ село Ходаки, намѣреваясь остановиться на ночлегъ въ с. Татарновичахъ.

Въ Ходакахъ сохранился памятникъ церковнаго искусства, способный заинтересовать археологовъ. Памятникъ этотъ — ветхая деревянная церковь, перестроенная въ послѣдній разъ въ 17 вѣкѣ, всѣмъ своимъ внутреннимъ устройствомъ краснорѣчиво говорящая о временахъ уніи.

На колокольнѣ, на дверномъ косякѣ, сохранилась надпись, гласящая, что колокольня выстроена позже храма „дѣдичами“ села Ходаковъ въ 1770 году. Царскія врата Ходаковскаго храма изображаютъ царя Давида, изъ груди котораго произрастаетъ виноградная лоза.

Ходаковскіе жители еще въ очень недавнее время славились своимъ чумацкимъ промысломъ. Любопытно, что чумачество сохранялось здѣсь даже до самаго послѣдняго времени, хотя, разумѣется, уже далеко не въ прежнемъ видѣ. Развитіе рельсовыхъ путей сократило этотъ стародавній малороссійскій промыселъ, но не убило его совсѣмъ. И теперь еще нѣкоторые ходаковскіе крестьяне продолжаютъ возить въ степь смолу и деготь, забираясь даже въ Екатеринославную губернію. Надо полагать, что ходаковскіе чумаки — послѣдніе чумаки; вскорѣ исчезнетъ чумачество и на Волыни, какъ исчезло оно уже въ лѣвобережной Украйнѣ. Въ Ходакахъ единственнымъ памятни-

комъ чумачества, вѣроятно останется *озеро Крымне*. Объ этотъ озерѣ Крымне, отстоящемъ отъ села на полверсты не болѣе, существуетъ слѣдующее насмѣшливое преданіе.

Издавна отвозили чумаки въ Крымъ смолу и деготь, издавна привозили на возвратномъ пути изъ Крыма рыбу и соль. Далеко было возить чумакамъ соль изъ крымскихъ озеръ и вздумали они возить одну только рыбу, а соль порѣшили развести у себя дома, въ своемъ родномъ озерѣ. Задумано — сдѣлано. Привезли чумаки нѣсколько десятковъ возовъ соли изъ Крыма и *посьяли* ее въ своемъ озерѣ, сказавши:

— Пусть разводится! Теперь у насъ будетъ свое крымне озеро! Но, увы! соль, потонула, растворилась, исчезла... А вода по прежнему осталась прѣсной. Почесали чумаки свои бритые затылки, вымочили въ дегтѣ свои холщевыя рубахи и шаровары шириною въ черное море, и снова погнали сѣрыхъ воловъ круторогихъ въ „далеку дорогу" за солью...

III.

Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.

Былъ вечеръ, наканунѣ Ивана Купала.

Я остановился въ Татарновичахъ, маленькомъ бѣдномъ волынскомъ селѣ, пріютившемся на рѣчкѣ Лозницѣ, притокѣ красавицы Уши.

Я сидѣлъ на крылечкѣ сельской школы и слѣдилъ вмѣстѣ съ учителемъ, какъ постепенно стихала дневная суета.

Солнце заходило. Закатъ пылалъ пожаромъ. Это обѣщало на завтра ясный и жаркій день. Солнце закатилось, но алое сіяніе продолжало бороться съ сумерками, надвигавшимися довольно быстро. Прогнали стадо. Прошли косари, степенно и чинно, съ косами на плечахъ; пробѣжали дѣвушки, убиравшія ленъ и половшія свекловицу, громко смѣясь и переговариваясь.

Сумерки сгустились. Затеплились, замигали звѣзды, „какъ бережно несомыя свѣчи".

Наступила купальная ночь, сказочная ночь, когда разъ въ году разцвѣтаетъ огненнымъ цвѣтомъ папоротникъ, когда вѣдьмы и безобразныя мохнатыя чудища стаями скачутъ по полямъ и лѣсамъ, вылѣзая изъ каждой щели.

Вдругъ стало видно съ крыльца, — тамъ и сямъ по селу засвѣтились и задвигались слабые огоньки. Ужъ не папоротникъ

ли расцвѣлъ въ самомъ дѣлѣ? Свѣтящіяся точки сошлись вмѣстѣ, и въ томъ же мигъ къ намъ донесся отголосокъ звонкихъ купальныхъ пѣсенъ.

Учитель мнѣ объяснилъ, что это дѣвушки и „молодицы" идутъ на выгонъ „палить вѣдьму". Толпа приближалась,—дорога на выгонъ проходила мимо школы.

Купала на Йвана!..
Купався Иванъ
Доведеться и нам...

Явственно донесся къ намъ обрывокъ купальной пѣсни.

Впереди шла стройная дѣвушка съ голубымъ вѣнкомъ на головѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ и держала въ рукахъ „*хвою*" или „*вильце*",—сосновую вѣтку, облѣпленную желтыми восковыми свѣчами. Вечерній воздухъ былъ настолько тихъ, что свѣчи горѣли яснымъ, не мигающимъ пламенемъ. Сверху хвои ярко пылалъ факелъ изъ пеньки, пропитанной воскомъ. Процессія направлялась къ великану—дубу, одиноко стоявшему, посреди выгона. Пѣсни не прерывались ни на минуту, въ нихъ больше всего говорилось о вѣдьмахъ—чаровницахъ.

Ой которой дівки відьма мати,
Та не пускае погуляти,
Та не пускае погуляти.
„Не йди, дівко, на юлоньку,
А я пойду на всю ночку
Та по чужу коровочку"...

Я вмѣшался въ толпу, и вмѣстѣ съ другими пошелъ на выгонъ.

Толпа расположилась вокругъ дуба.

Дѣвушки взялись за руки и продолжали пѣть:

А сей ночи съ полуночи
Повиколюю відьми очи,
Шобъ чужихъ коровъ не доїла,
Сиру масла не сбирала,
Шобъ чужихъ коровъ не чаровала!..

Пока дѣвушки распѣвали свои купальныя пѣсни, какой-то проворный паренекъ притащилъ изъ клуни куль соломы, живо вскарабкался на самую верхушку великана—дуба, укрѣпилъ тамъ соломенный снопъ и, зажегши его, проворно слѣзъ съ дерева.

Куль сухой соломы, долженствовавшій изображать собою богомерзкую вѣдьму, тотчасъ-же затрещалъ, вспыхнулъ и ярко запылалъ, разгоняя кругомъ тьму и озаряя краснымъ трепетнымъ пламенемъ стоявшую подъ развѣсистымъ деревомъ толпу дѣвушекъ, продолжавшихъ пѣть:

Татарновичська відьма
Да на дуба лізла,
Да на дуба лізла
Кору гризла...
А съ дуба упала
Кориння копала,
Кориння копала
Коровъ чаровала!

А снопъ соломы продолжалъ пылать, то ярко вспыхивая, то ослабѣвая; и когда пламя слабѣло, черная ночь надвигалась снова и освѣщенный кругъ суживался; потомъ опять раздавался трескъ горѣвшей соломы, освѣщенный кругъ расширялся и рѣзко чернѣли на освѣщенномъ фонѣ широкіе дубовые листья и переплетъ корявыхъ вѣтвей. Вдругъ пламя вспыхнуло въ послѣдній разъ, горящій снопъ сорвался съ дерева и съ глухимъ стукомъ упалъ на землю. Милліоны искръ взвились къ небу и быстро погасли...

Ночная тьма, стоявшая вокругъ черной стѣной, дрогнула и плотно сомкнулась.

На необъятномъ небесномъ сводѣ, казалось, еще ярче прежняго замигали звѣзды...

Побѣда надъ вѣдьмой, повидимому, ободрила и развеселила толпу. Дѣвушки запѣли шутливыя пѣсни:

Ой чия-жъ то голова
Загорілася була?
Ѳедорина голова
Загорілася була...
Стовпомъ дымъ,
Стовпомъ дымъ!..

А Ѳедора съ родощами
Носить воду пригорщами,
Ой носила—пе втушила,
По волоссю голосила...

Въ слѣдующей пѣснѣ сильно доставалось „хлопцямъ" отъ насмѣшливыхъ „дівчатъ".

Покочу дойницю,
Всі хлопці въ світлицю.
Покочу долото,
Всі дівки въ болото.
Хоть хлопці въ світлиці,
За то вони паршивці,
Хоть дівки въ болоті,
Да всі въ золоті!..

До самой полуночи продолжался торжественный обрядъ сожженія татарновичской вѣдьми, на широкомъ лугу, подъ старымъ развѣсистымъ дубомъ. Видѣлъ этотъ могучій дубъ, думалось мнѣ, глядя на него, видѣлъ не мало на своемъ вѣку, — видѣлъ и чубатыя запорожскія головы, и чалмы хищныхъ татаръ, которые подъ нимъ стояли,

Копитами землю грасовали,
Мечами гилье обтинали,
Ясенькиї огни раскладали,
Криничноі води доставали,
Въ кришталеві пляшки наливали...

Все это видѣлъ старый дубъ, обо всемъ этомъ шумятъ его широкіе листья, но непонятна и загадочна его рѣчь.

Отъ временъ казацкихъ мысль переносилась во времена болѣе глубокія, когда жили, чувствовали и дѣйствовали тѣ покойники, истлѣвшія кости которыхъ мирно покоятся вонъ подъ тѣми безмолвными высокими курганами. И тогда, какъ теперь, тоже собирались парни и дѣвушки на широкій лугъ въ ночь, наканунѣ Ивана Купала, зажигали яркіе костры, прыгали, кружились и пѣли радостныя, веселыя пѣсни могучему богу солнечнаго свѣта и тепла, выѣзжающему на небо на трехъ коняхъ: золотомъ, серебряномъ и брилліантовомъ и разсыпающему искры по всему необъятному міру...

Иванъ Абрамовъ.

Изъ журнала „Живая Старина", выпускъ II, 1906 г.

Тип. Мин. Пут. Сообщ. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

